Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Ленина—Сталина будь готов!

Цена номера 3 коп.

Всесоюзная библиотека

БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН
ЦК и МК ВЛКСМ
8 августа 1938 г., понедельник
№ 107 (2101)

МЫ РАСТЕМ И СКОРО ТОЖЕ СТАНЕМ НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ

Мы, пионеры об'единенного лагеря больницы имени д-ра Боткина и ф-ки «Ява», узнав о новых провокациях японских бандитов на наших дальневосточных рубежах, присоединяем свой протест к мощному протесту миллионов трудящихся нашей страны.

Зарвавшиеся японские вояки не учитывают того, что у нас знает даже самый маленький пионер: от Москвы до Токио значительно ближе, чем от Токио до Москвы.

Нам, пионерам, еще очень мало лет, но мы очень быстро растем и всегда готовы отдать все свои силы своей матери-родине.

Да здравствует наша социалистическая родина! Слава ее доблестной защитнице — родной Красной Армии! Слава нашему дорогому вождю и учителю — великому Сталину!

От имени 180 пионеров лагеря совет лагеря:

ВОЛОДЯ НИШКО, ЗИНА ДИРКО, ЛЮБА СИТНЕР, КОЛЯ ПАВЛОВ.

Это ИГОРЬ КРЫЖАНОВСКИЙ. Он учится во второй школе города Винницы. ИГОРЬ — активист Освода. Он уже трижды спасал утопающих. Фото Е. КОПЫТА (Союзфото)

Сообщение штаба Первой (Приморской) армии

Через день после «мирного» предложения посла Сигемицу товарищу Литвинову 4 августа сего года, японские войска за озером Хасан открыли интенсивный огонь по советской территории. Многочисленная артиллерия всех калибров, в том числе тяжелая, стреляла с территории Манчжоу-Го и прикрывала действия японской пехоты, шедшей в наступление против советских войск. Советские войска открыли ответный артиллерийский огонь. После 3—4-часовой артиллерийской дуэли, в результате которой японская артиллерия была подавлена, советские части при участии советской авиации пошли в контрнаступление и очистили нашу территорию от остатков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты.

БЕСЕДА РЕДАКТОРА

Об одном хорошем обычае пионеров

Есть хороший обычай у пионеров, он говорит: «Где бы ни встретились пионеры, знакомы ли они или нет, виделись ли они когда-нибудь или видят друг друга в первый раз, — они друзья. Везде и всюду они должны помогать друг другу». Такой обычай у пионеров. Такой обычай у всех советских людей.

В нашей стране высоко ценят настоящую дружбу. Примеры такой дружбы можно встретить у нас на каждом шагу. И тем более неприятно встречать ребят-пионеров, которые нарушают этот обычай. Недавно мы с таким случаем столкнулись.

Читайте письмо, которое написали нам колхозные ребята:

«Мы пишем вам это письмо о городских пионерах, которые живут в лагере в нашей деревне.

Мы знали, что они к нам приедут, и ждали их давно. Когда они приехали, мы на другой день выгладили рубашки, надели красные галстуки и пошли к ним. Вожатый увидел нас и спросил, откуда мы. Мы сказали, что из колхоза. «А что вам надо?» Мы говорим, что нам ничего не надо, что мы пришли приветствовать пионеров. Он тогда сказал, что им сегодня некогда.

Мы не обиделись, увидели, что у них еще ничего не устроено. Постояли немного, посмотрели, как они мачту ставят, и ушли.

Через несколько дней мы снова к ним пошли. Мы достали свой барабан (горна у нас нет, его испортили, а знамя заперли в школе), построились и пошли в лагерь.

Мы пришли во время обеда. Подождали немного, обед кончился, к нам подошли пионеры, и мы стали разговаривать. Мы сказали, что наш отряд плохой, мы не знаем хороших игр, у нас нет ни одного кружка, и очень плохо проходят сборы. Мы им сказали, — пусть они помогут нашему отряду. Тогда один мальчик сказал: «Когда же мы вам помогать будем?! Сейчас у нас мертвый час, а потом экскурсия. Мы живем по режиму и совсем нет времени». А другая девочка сказала: «В... лучше обратиться в райком».

Мы знаем дорогу в райком и без них. Мы хотели, чтобы нам городские пионеры помогли. А раз они не хотят, так не надо.

Пионеры: Маслов, Куваев, Никитина А., Никитин М. и Щавелев».

Колхозные ребята не написали адреса этого лагеря, не хотели или забыли. Но мы думаем, они себя сразу узнают, эти ребята, о которых тут идет речь. Узнают и подумают над тем, как скверно они поступили. А поступили они, как эгоисты, как барчуки, которые заботятся только о своем собственном благополучии.

Они говорят — режим. Но где, когда и какой режим мешал пионерам выполнить свой долг по отношению к товарищам? Где и когда было сказано, что пионеры, отдыхающие в лагерях, должны отгородиться от всей окружающей их жизни? Где учились они этим барским замашкам и высокомерию по отношению к товарищам?

Плохо поступили эти ребята, очень плохо, не по-пионерски.

Мы думаем, таких лагерей найдется немного, может быть, даже он один — такой лагерь, который отказался помочь товарищам, попросившим об этой помощи. Но как много таких лагерей, которые очень приветливо встретят колхозных пионеров, но сами к ним не идут и пальцем о палец не ударят, чтобы узнать, не нуждается ли в чем-нибудь колхозный пионерский отряд, не могут ли они помочь ему и, наконец, сами поучиться кое-чему у колхозного отряда и звена. Есть такие лагеря, которые ухитрились за целый месяц не увидеть ни одного колхозного пионера.

Долг и обязанность пионеров — за месяц лагерной жизни передать колхозным ребятам все свое уменье. Научить их всем играм и песням, которые сами знают, передать весь свой опыт и остаться хорошими друзьями, даже находясь на далеком расстоянии.

А что касается лагеря, о котором писали пять колхозных ребят, то мы будем очень рады, если пионеры и вожатые, фамилий которых мы не знаем, найдут в себе мужество открыто признать, что они поступили скверно.

Пионеры-школьники из колхоза «3-я пятилетка» (Сейтгеровский р-н, Крымская АССР) организовали бригаду по борьбе с потерями урожая. На снимке: ребята собирают колоски.
Фото Е. ТИХАНОВА.

Подруги... Они, видно, только что встретились и очень рады друг другу. Фото ЯШИ ДРУЯНА (ленинградский Дом пионеров). Это фото прислано на фотоконкурс имени 20-летия ВЛКСМ, об'явленный Центральной детской технической станцией.

Футболисты

В городе Подольске живут отчаянные футболисты. Кажется, нет такого мальчика в нашем городе, который не гонял бы мяч.

Я тоже футболист. До сих пор наша команда никак не называлась Просто собрались ребята с одной улицы, достали мяч и играли всюду, где придется. Иногда — во дворе, а когда со двора прогонят (это бывало часто, потому что наш мяч всегда норовил попасть в окна), идем на улицу, или в сквер, или в овраг. Играли мы, не соблюдая правил, иногда с утра и до тех пор, пока не стемнеет.

Один раз на нашей улице появилось об'явление. Там было написано, что каждая улица может составить футбольную команду и готовиться к футбольному матчу детских команд. Мы составили футбольную команду своей улицы, и наш капитан пошел в Дом пионера и школьника на совещание капитанов. Потом нас всех осмотрел врач. Тем, у кого больное сердце, запретил играть. Ну, я человек здоровый, и меня, конечно, допустили к игре.

Всего по городу организовалось команд двадцать. Каждая взяла себе имя: «Испания», «Снайпер», «Красная заря» и другие.

3 июля в спортгородке произошла первая встреча футбольных команд. Первыми играли улица Велинга и «Красная заря». Всего в этот день играло 12 команд. Сейчас жильцы уже не ругают ребят за порванные провода, и не звон разбитого стекла прекращает игру наших футболистов, а свисток судьи.

КОСТЯ СЕМЕНОВ.
Город Подольск
Московской области.

Будем машинистами

Мы, юные железнодорожники Малой Кагановичской железной дороги, хотим знать как можно больше о железнодорожном транспорте. Мы написали об этом письмо в Научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта. Начальник этого института профессор В. Н. Образцов ответил нам очень хорошим письмом.

«Дорогие товарищи!

С большим удовлетворением прочел ваше письмо о ваших успехах—учебных и железнодорожных. Транспорт сейчас очень нуждается в честных, знающих и любящих свое дело железнодорожниках, о чем нам постоянно говорит наш сталинский нарком Л. М. Каганович. Ваша работа на Малой Кагановичской должна как раз вырабатывать из вас таких работников, а ваша молодость является ручательством, что вы, в будущем заменив нас, старых работников, вольете, кроме любви к делу, еще и вашу молодую энергию.

Лично я с большой благодарностью принимаю звание «юный железнодорожник», которое вы мне предлагаете. Если не смогу помолодеть телом, то постараюсь помолодеть хотя бы духом и умом. С удовольствием окажу вам помощь консультацией как моей, так и всего института.

Желаю вам дальнейших успехов и в учении и в железнодорожной работе. Желаю вам стать в будущем сильными и энергичными помощниками нашего сталинского наркома. **В. Образцов».**

Мы прочитали это письмо, и каждому из нас захотелось работать и учиться еще лучше.

КОЛЯ ДЬЯКОВ.
УССР, Мелитополь.

Отец и сын—бойцы республиканской армии. Оба они отправились на фронт защищать свою родину от итало-германских интервентов.
(Союзфото)

Константин Сергеевич Станиславский

Скончался великий мастер театрального искусства, народный артист СССР, Константин Сергеевич Станиславский.

★

Ни один советский человек, перечисляя все, чем славна Москва, не забудет сказать:

— А Художественный театр!

В самых отдаленных уголках нашей страны люди мечтают:

— Вот с'езжу в Москву, схожу в Художественный...

А если спросить: «За что вы так любите Художественный театр?»,— всякий непременно ответит:

— За правду. За то, что спектакли этого театра открывают нам настоящую правду жизни.

Художественный театр — этот любимейший театр нашей страны и самый замечательный театр мира — создан сорок лет назад Константином Сергеевичем Станиславским.

Все эти сорок лет—до последнего дня своей жизни — Константин Сергеевич работал в Художественном театре, руководил им, ставил пьесы, воспитывал актеров и добивался одного — чтобы все в театре было искренним, честным, правдивым.

Это стремление сдружило Константина Сергеевича и его театр с Максимом Горьким.

На сцене Художественного театра впервые была представлена пьеса «На дне», и из уст Константина Сергеевича зрители впервые услышали со сцены чудесные горьковские слова:

— Человек — это звучит гордо...

В январе этого года вся наша страна отмечала славный юбилей: Константину Сергеевичу исполнилось 75 лет. Болезнь давно уже не позволяла ему выходить из дому, его квартира была полна в этот день: множество учеников собралось, чтобы поздравить своего учителя. Здесь была и театральная молодежь, всего лишь несколько месяцев принятая в школу театра, были здесь и народные артисты СССР, именами которых гордится вся страна. Один из них, депутат Верховного Совета СССР И. М. Москвин, сказал:

— Тому, что я сумел послужить народу высоким искусством, я во многом обязан великому воспитателю К. С. Станиславскому. То, что он сделал для меня, я не могу забыть никогда...

Всю свою жизнь Константин Сергеевич отдал на служение народу высоким и правдивым искусством. Этому он учил и других. И он был несказанно горд тем, что он гражданин единственной страны в мире, где искусство доступно не кучке праздных людей, а всему великому 170-миллионному счастливому народу.

За исключительные заслуги в области театрального искусства Константин Сергеевич был награжден орденами Ленина и Трудового Красного знамени.

Панская Польша— страна нищих

Один польский доктор, по фамилии Кацпшек, решил поглядеть, как живут крестьяне его страны. Он познакомился с жизнью одной из деревень Варшавского воеводства. Страшные вещи рассказывает доктор после своей поездки.

Из полутора тысяч изб, виденных доктором, лишь 220 имели двойные окна. Около половины изб оказались сырыми, затхлыми, непригодными для жилья.

Почти во всех крестьянских жилищах — теснота. На одной кровати спят по 4—5 человек.

Лишь в 132 избах доктор встретил настоящие лампы, во всех остальных горели лучины. Столовой посуды нет почти ни у кого. Ложки, вилки, тарелки считаются недоступной роскошью. У большинства крестьян не нашлось ни кусочка мыла, а в 75 избах не было даже полотенца. Нечего и говорить, что книга в этой деревне—величайшая редкость.

Печатая рассказ доктора, польская газета прибавляет, что крестьяне из описанной деревни живут **лучше**, чем население тысяч других деревень Польши!..

◆ ◆ ◆

КИТАЙСКИЕ ВОЙСКА ВЗЯЛИ В ПЛЕН ТРЕХ ЯПОНСКИХ ЛЕТЧИКОВ

Третьего августа близ города Синьчжена, в провинции Хэнань, опустился японский военный самолет. К самолету быстро подоспели солдаты народной армии. Они захватили в плен пилота и механика и завладели совершенно исправной машиной. Пленные летчики рассказали, что они вылетели в разведывательный полет с аэродрома, расположенного под Бэйпином. Однако у них нехватило горючего, и поэтому пришлось сделать вынужденную посадку.

В тот же день другой японский самолет сделал вынужденную посадку на южном берегу реки Янцзы, близ города Хуансикана. Китайские солдаты взяли в плен пилота. Самолет (истребитель) слегка поврежден.

Связисты китайской народно-революционной армии на позициях.
(Союзфото)

В ЧЕСТЬ XX-ЛЕТИЯ ВЛКСМ

В Коктебеле начался всесоюзный слет авиамоделистов

К вечеру ветерок стих. Затрубил горнист, и по его сигналу на плоской и вытянутой вершине горы Клементьева выстроились участники слета. Их здесь около двухсот: москвичи, ленинградцы, украинцы, белоруссы, грузины, киргизы... Со всей страны с'ехались на свой слет юные авиастроители.

Приняв рапорт, начальник слета скомандовал:

— К под'ему флага! Смирно!

Три ракеты взвились в небо, и под облака пошел змей, медленно поднимая голубой флаг.

Слет открыт.

Вчера на слете весь день работала моторная испытательная станция: моделисты проверяли работу моторчиков. Свыше 50 моделей с бензиновыми моторчиками допущено к состязаниям, среди них несколько гидромоделей.

Запуск моделей назначен на 8 августа.

В. ЗЕМНОЙ.

Велосипедисты прибыли в Орел

6 августа колонна велосипедистов второго советского велотура стартовала из Москвы. В тот же день она прибыла в Тулу. Уже на первом этапе гонщики достигли гораздо лучших результатов, чем в прошлом году. Первым пришел к финишу 20-летний гонщик Серебряков. 166 километров он прошел за 5 часов 3 минуты 32 секунды.

Но на следующий день ему пришлось снять красную майку победителя и уступить ее Федору Тарачкову, гонщику из московского «Динамо». 180 километров от Тулы до Орла Тарачков прошел за 6 часов 30 минут 0,3 секунды.

Сегодня колонна стартует из Орла на Севск.

Спасли лес от пожара

В деревне Анциферово Куровского района расположился пионерский лагерь фабрики книги «Красный пролетарий».

В один из жарких дней вдруг раздались тревожные звуки набата. Загорелся новый дом. Но колхозники быстро потушили огонь.

Через несколько минут снова ударил набат: за деревней вспыхнул лесной пожар.

В лагере дали сигнал тревоги. Сразу же выделили разведку во главе с вожатым Колей Лариным. Разведка, захватив противогазы и топоры, побежала в лес.

Лес горел. Огонь жадно лизал стволы огромных сосен. Ветер подхватывал искры. Пожар ширился.

Разведка послала Костю Лихачева в лагерь за помощью. Через несколько минут прибежали остальные ребята. Они захватили с собой ведра, тазы, лопаты, топоры. В дело пустили песок, землю, дерн.

Немного погодя подоспели колхозники. Общими усилиями пожар потушили.

Колхозники деревни Анциферово благодарили пионеров.

РАЯ РОМАНЕНКО.

ВОСПИТЫВАЙТЕ ВОЛЮ К БОРЬБЕ

На живописном берегу канала Москва — Волга расположился пионерский лагерь дважды орденоносного завода имени Менжинского. Рабочие завода — отцы и братья пионеров лагеря—построили краснокрылую птицу — самолет «Москва», на котором Герои Советского Союза товарищи В. К. Коккинаки и А. М. Бряндинский совершили за одни сутки перелет из Москвы в район Владивостока.

Герой Советского Союза товарищ В. К. Коккинаки работает летчиком-испытателем на заводе имени Менжинского.

Когда герои вернулись в Москву, пионеры и октябрята завода имени Менжинского послали Владимиру Константиновичу Коккинаки письмо. Они рассказывали ему о том, как весело им живется в лагерях, и приглашали его к себе.

Товарищ Коккинаки пионерам ответил:

«Дорогие товарищи пионеры и октябрята! Простите меня за столь поздний ответ, но, как говорят у нас в народе, лучше поздно, чем никогда. Очень сожалею, ребята, что не могу побывать у вас в лагере, побеседовать с вами у пионерского костра. Вернувшись из перелета, я должен был немного отдохнуть, а сейчас у меня много работы, и работы горячей.

Я очень рад, ребята, что вы живете весело и не скучаете. Ваши отцы и братья хорошо позаботились о вас, выстроив вам на берегу канала Москва — Волга пионерский лагерь. Отдыхайте, ребята, загорайте и готовьтесь к зимней учебе.

Вы пишете, что многие из вас хотят быть бесстрашными летчиками, смелыми героями, отважными исследователями. Это очень хорошо, ребята. Но, чтобы стать летчиком, нужно много и упорно учиться, нужно постоянно воспитывать свою волю, не бояться трудностей, а уметь побеждать их. Чтобы быть героем, нужно безгранично любить родину, отдавать ей все свои силы, все свои знания и способности.

Вы поздравляете меня, ребята, с успешным завершением перелета из Москвы в район Владивостока. Искренне благодарю вас за это. Перелет этот мы с товарищем Бряндинским совершили по заданию нашего любимого вождя великого Сталина. Ваши отцы и братья построили нам прекрасную машину.

Если потребует страна, если скажет товарищ Сталин,—тысячи советских летчиков совершат то же, что совершили мы. В этом — сила нашей родины, сила великого Советского Союза!

Вы, вероятно, читали, ребята, о нападении японских империалистов на нашу дальневосточную границу. Вы читали так же о том, какой сокрушительный отпор дала им наша доблестная Красная Армия. И так будет со всяким, кто посмеет нарушить священные границы нашей социалистической родины. На машинах, которые делают ваши отцы и братья, мы смело пойдем в бой и сокрушим врага.

Еще раз желаю вам счастливого отдыха. Крепко жму ваши руки!

Ваш друг
ВЛАДИМИР КОККИНАКИ».

На тактических учениях Краснознаменного Балтийского Флота. На снимке: авральные работы на линкоре.
Фото Н. РЕДКИНА (Союзфото)

Беседы у костра о ленинско-сталинском комсомоле

В пламени борьбы

Пламя бежит от ветки к ветке, точно живое, и ветки хрустят, словно по ним ступает какой-то зверек, пробираясь к ручью. Хорошо разгорелся наш костер сегодня! Подле веселого и озорного огня давайте будем говорить о мужестве, о пламенных сердцах, о людях, которые пережгли свою жизнь, чтобы так ярко горели наши костры.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ДЕСЯТОК

ПАРОМ толкнулся о песок, вестовой вскочил в седло, с'ехал по мосткам на берег, взобрался на горку и пустил коня рысью по тихим саратовским улицам, к губернскому комитету партии большевиков.

Вскоре к губкому начали собираться коммунисты.

Стало известно, что от Уральска движутся на Семиглавый Мар колчаковские части, и губком решил мобилизовать и послать в помощь бойцам коммунистический отряд.

В большом вестибюле у лестницы было полно. Все жались к столу, за которым шла запись в отряд.

— Винтовку получите, сухари свои,—говорил худой человек за столом. Иногда он поднимал утомленные, близорукие глаза и качал головой. — Нет, товарищ, итти не придется, ты на своем деле пригодишься. — И снова отвечал следующему: — Винтовку получите, сухари свои.

Чей-то звонкий голос спросил от двери:

— Записываете против семиглавой гидры на Семиглавый Мар?

Человек за столом привстал, оттянул веко кверху, чтобы лучше видеть, и крикнул:

— Никак Афанасьев? Пройдика сюда, Коля, есть разговор!..

Люди двинулись, уступили дорогу, и маленький Афанасьев прошел к столу.

— Комсомолия тоже собралась? — спросил у него человек, записывавший бойцов.—Мы тут о вас подумали, Николай, и дело поручаем большое. Собери-ка десять ребят. Наш отряд мы тоже разбиваем на десятки. Каждый десяток идет впереди роты, чтобы подавать пример. Понятно? Значит, требования: дисциплина, организованность, не зарываться и... не отступать. У вашего десятка на вооружении пулемет.

Он снова наклонился низко над столом и написал наряд:

— Пулемет получите на вокзале.— И добавил с улыбкой:— Сухари свои.

На вокзале десятерых комсомольцев, во главе с Колей Афанасьевым, встретил комендант, коренастый черноморский моряк. Он вывел ребят на перрон, отомкнул камеру хранения и выкатил пулемет:

— Пулемет здесь, коробки с лентами берите на полке, а паровоза у меня, хлопцы, нету. Придется вам эту игрушку самоходом гнать на Увек, а оттуда на Мар доставят. Так держать, и попутного вам ветру!

УЖЕ предутренний туман сгал над порозовевшею рекой, когда боевой комсомольский десяток пришел на Увек.

Запасные пути на станции поросли высокой травой. Близ моста через Волгу пыхтел хилый паровоз с одной теплушкой. Комсомольцы подняли свой пулемет в теплушку, машинист дал пронзительный, тонкий свисток, высунулся из окна будки, прокричал весело: «Берегись, задавлю!»—и тронул паровоз с места. Уже за мостом паровоз задохнулся, стал и, словно подумав, тронулся дальше, уныло погромыхивая на стыках рельсов.

— Ну-ка, теперь признавайтесь, — сказал Афанасьев, — кто

Афанасьев упал, раненный в ногу, но сумел еще подтянуться к пулемету.

из вас умеет стрелять из пулемета?

Оказалось, пулемета не знает никто.

— Дело нехитрое, разберемся,—решил Афанасьев и лег подле «максимки», осматривая и ощупывая пулемет со всех сторон.

Глаз у Николая был к машинам привычен, он умел понимать их, и казалось, что по винтикам и мельчайшим деталям он прочитывает машину, как книгу. Дома, в Москве, Николай мальчишкой стал работать в слесарной мастерской на Сущевском валу; в пятнадцать лет пошел на завод, в восемнадцать — на фронт...

— Отвертка, брат, великое дело, — бормотал он, бережно раскладывая разнокалиберные винтики, пружинки и стальные частицы по дощатому полу теплушки. — Мой мастер всегда говорил: отвертку с собою носи, она многое понять помогает...

НИКОЛАЙ говорил сам с собой и пристально рассматривал отвинченную пластинку. Он искал и находил тайную связь между всеми частями новой для него машины, видел как бы цепь живых мускулов, в которой одно звено, придя в движение, отдает приказ другому, и так нарастает сила, толкающая пулю в полет.

Пулемет Николай разобрал и сложил снова.

— Хитро, но ясно, товарищи пулеметчики,— сказал он друзьям, и они сели у двери, свесив ноги наружу.

Сухая, сожженная солнцем степь тянулась вдоль пути.

— Гитарку бы,—сказал Николай и запел:

Ох ты, поле, поле чистое,
степь Саратовска!
Ничего ты, поле, не породило:
Ни травоньки, ни муравоньки, ни лазоревых цветов...

Он вдруг оборвал и сказал негромко:

— Будет здесь муравушка, будут и лазоревы цветы... Вот, думаю я, ребята: поем мы песни, а кто их складывал и когда — неизвестно. Может, шел человек по полю сто лет назад, шел-шел, поглядел вокруг себя и затосковал: ширь какая, а воли нету. Про волю в старых песнях—слова печальные. А мы глядим, и куда только глаз достанет—все наше. Вот она—воля!

И он сложил руки так, будто трепетала в его ладонях теплая птица—воля.

— Много ли нас здесь едет,— сказал вдруг Николай, улыбнувшись,—а сложить наши пути, так и представить трудно: сколько мы верст прошли, пока все здесь встретились? С четырех сторон света сошлись, а одного ищем... Лет пять назад я в возраст пришел и думать начал. И вот, бывало, сидишь вечером дома и спрашиваешь у себя: чем же Николай тебя жизнь приветит? Спросишь это, вспомнишь отцовскую жизнь, переберешь сверстников да соседей, и ответить на такой вопрос—нечем. А в позапрошлом, семнадцатом, году был я на митинге, и говорил там один человек. Так он, будто нарочно, на мой вопрос ответил: «Жизнь для себя,— говорит,— товарищи, нам сейчас нужно с оружием в руках добывать. До сих пор наша жизнь ни на что не была похожа. А вот за такую жизнь, какую мы сами себе построить можем,— за нее и умереть приятно». Вы, ребята, сами понимаете: такие слова только большевик мог сказать, и только после этих слов я много чего понял. Они меня и в комсомол привели, с ними я и на фронт поехал.

...К Семиглавому Мару теплушка прибыла под вечер. На раз'езде было шумно. В тени чахлых деревьев стояли в пирамидах винтовки. Бойцы курили, вели негромкий разговор, но видно было, что они насторожены, и сигнал тревоги может прозвучать с минуты на минуту. Афанасьев разыскал комиссара, тот поглядел на белоголового мальчика, вытянувшегося перед ним, и с сомнением покачал головой:

— Мал ты, парень, но если пулемет знаешь,— дело найдется. Верхом ездишь?

— Нужно будет—поеду.

— Хорошо говоришь. Пойдем со мной.

Комиссар увел Афанасьева за станционный дом, чтобы не увидели бойцы, и подвел к Николаю серую лошадь.

— Сзади не заходи, ногу заносит спереди,—сказал комиссар и улыбнулся, видя с каким трудом Николай достает до стремени. Когда Николай, наконец, устроился, комиссар воскликнул с шутливой тревогой:

— Не вижу тебя, не вижу!

За головой лошади Афанасьева и впрямь не было видно. Комиссар заставил его об'ехать двор рысью, потом галопом и остановил коня:

— Так-то, друг. Ты москвич, а я сормовский. Когда сюда приехал, так я, кроме битюгов на заводском дворе, и лошадей-то, почитай, не видал. Теперь ничего, езжу...

ТРЕВОГА раздалась ночью.

Колчаковцы двигались к Семиглавому Мару по степи, и полк выступил им навстречу. Боевой пулеметный десяток Афанасьева был впереди. Издалека, от Деркуля, глухо били пушки.

Полк залег на степных буграх. Николай поставил свой пулемет и впервые нажал спусковой рычаг. Впереди в сотне шагов были колчаковцы. Когда застрекотал пулемет, они остановились, а двое, взмахнув руками, упали. Лента тянулась, Николай все нажимал и нажимал рычаг.

— Не горячись,—сказал комиссар, подползая к пулемету.— Дай ему отдохнуть. Перегреешь...

Так, в бою, Николай окончил пулеметную науку.

Колчаковцы повернули назад, на Деркуль. Красный полк двинулся вдогонку и стал окружать раз'езд, но на утро к колчаковцам подошло подкрепление из Уральска, и бой завязался снова.

В этот день под командой Афанасьева было пять пулеметов: четыре «максима» были отбиты накануне у врага.

— Коля, — сказал комсомолец Карасев, трогая Афанасьева за плечо,—погляди, Коля.

Колчаковцы стремительно ударили на левый фланг, полк дрогнул, и люди стали рассыпаться по степи. Афанасьев повернул пулемет:

— Спокойно, ребята! Мы им сейчас пошлем гостинец!

Десять комсомольцев остались на местах. Их пулеметы застрекотали, устраивая огневой заслон, перед которым остановились колчаковцы. От пулеметных кожухов пошел пар, Афанасьев обернулся: красный полк собрал силы, заходил на колчаковцев справа, и теперь уже те бежали назад, в Деркуль.

ВПЕРЕДИ полка Афанасьев увидел серую лошадь комиссара. Вдруг она оказалась как бы в водовороте, комиссара окружили колчаковцы, полк неудержимо катился вперед, вдогонку за отступающим врагом, а маленькая группа, в середине которой был отбивающийся комиссар, осталась у невысокого желтого холма. Стрелять нельзя было, чтобы шальная пуля не попала в комиссара.

Афанасьев вскочил с земли и, таща за собой пулемет, бросился к этой кучке людей, успев только крикнуть товарищам:

— Комсомольский десяток! Обходи сражающихся справа!

Увидев, что пулеметчик остался один, колчаковцы оставили комиссара и бросились к Николаю.

Афанасьев упал, раненный в ногу. Он сумел еще подтянуться к пулемету и нажал рычаг, но выстрела не было. В ленте не оставалось патронов.

Николай выхватил револьвер. Он стрелял наугад, не глядя на врагов, потому что хотел увидеть одно: успеют ли товарищи подобрать комиссара.

— Жив! Жив!—крикнул он наконец, увидев, и упал под ударом колчаковской шашки.

В этот день враг был выбит из Деркуля. У степной проселочной дороги, под высоким тополем, девять комсомольцев похоронили своего командира.

А. МАРЬЯМОВ.

Тайна двух океанов

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Г. АДАМОВА.

Рисунки Л. СМЕХОВА

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. В 194* году новоизобретенная советская подводная лодка «Пионер» совершает переход из Балтики во Владивосток. Маршрут сохраняется в глубокой тайне, однако, из какого-то неизвестного источника враги дважды узнавали о длительных остановках «Пионера» и нападали на корабль. Благодаря искусным маневрам корабль оставался невредим.

Но кто бы мог давать врагам сведения о маршруте «Пионера»? Несколько незначительных улик возбуждают у капитана подозрение — не является ли этим гнусным предателем механик Горелов.

Проходя в антарктических широтах Тихого океана, подлодка вошла в полынью между двумя айсбергами. Шторм столкнул эти айсберги, и корабль очутился в ледяном плену.

Цой вошел в лабораторию с головной болью. Работа не клеилась. Мешало и еще что-то, какое-то неосознанное беспокойство. Это началось с вечера в честь Скворешни. Нет, нет, и вспыхнут перед Цоем злобный взгляд черных, глубоко запавших глаз, испуг и бледность детского лица...

Цой пробовал отделаться от этого навязчивого представления насмешливой улыбкой и пожатием плеч.

«Какая глупость!..—думал он.—Какое детское злопамятство!.. Притронулись к его мешку!.. Экая обида!..»

Цой тряхнул головой: даже думать об этом стыдно, стыдно за взрослого, серьезного человека...

И вдруг жгучая мысль снова полоснула по сердцу, и скальпель выпал из руки на стол.

«В мешке ли только дело? А ящичек!.. Он со злобой вырвал его из рук Павлика... Что же это за ящичек из пишущей машинки, который таскают за собой во время глубоководных экскурсий? Зачем он там нужен? Да ведь он и не выдержит чудовищного давления воды! Однако выдержал!..»

Цой вскочил со стула, быстро прошел по лаборатории, ероша волосы на голове... Потом так же быстро он устремился к двери. Он был похож на первобытного воина, идущего по следу врага...

Цой нашел Павлика в каюте Плетнева. Мальчик сидел за небольшим столиком у переборки и что-то писал. Увидев Цоя, он смешался и закрыл тетрадь.

— Здравствуй, Павлик! Чем это ты занят? — спросил Цой, не зная, как приступить к разговору.

Павлик в смущении заерзал на стуле.

— Да так... записываю... Ты к Виктору Абрамовичу, Цой? Он на вахте...

— На вахте?.. А ты что записываешь? Дневник ведешь, что ли?

Павлик смутился и покраснел:

— Да... Чтобы не забыть... Ребятам буду читать, когда приеду и поступлю в школу. Только ты, Цой, никому не говори, пожалуйста.

— Ну, зачем же зря болтать? А капитан знает, что ты ведешь дневник?

— Капитан? — Павлик с удивлением посмотрел на Цоя. — Зачем? Я даже Виктору Абрамовичу не говорю. Я всегда пишу, когда он на вахте. Ты первый узнал об этом... и обещал никому не говорить... Правда? Ты никому не скажешь?

— Я-то не скажу, будь уверен... А вот капитану ты должен сам рассказать. И перед приходом подлодки во Владивосток должен будешь показать ему свой дневник. Это — обязательное правило для всех участвующих в плавании. Ведь на нашей подлодке есть много секретного — как она устроена, как вооружена... Представь себе, что ты подробно опишешь какой-нибудь из секретов в своем дневнике. Ты можешь потерять свою тетрадь, или ее украдут у тебя, и какими-нибудь путями она попадет в руки врага... Надо всегда помнить об этом, Павлик!

— Цой... — тихо и неуверенно сказал Павлик. — Может быть, лучше совсем не вести дневника... здесь, на подлодке...

— Нет, почему же, — пожал плечами Цой. — Это тебе полезно будет... Но записывай только то, что не может сделать твой дневник опасным или вредным для нашей страны. Впрочем, капитан посмотрит и вычеркнет то, что не годится... А такие, например, вещи, — улыбнулся Цой,—как наши приключения на дне или, скажем, твоя размолвка с Гореловым из-за ящичка — записывай, сколько хочешь... Кстати, — продолжал он, улыбаясь, — какой он собой, этот ящичек?

— Ящичек?—переспросил Павлик, отрываясь от каких-то своих мыслей. — Ну, какой он? Ну, похож, на кубик, очень тяжелый... Я его с трудом держал в руке...

— Отчего же это он такой тяжелый?

— Цой, голубчик!.. Это ужасно!— говорил Павлик, задыхаясь.

Павлик с удивлением посмотрел на Цоя.

— Не знаю... Федор Михайлович говорил, что обычно в этом ящичке находятся запасные части от его пишущей машинки...

— Неужели это они его так тяжелили?

— Нет, когда я его держал в руках, он был с какими-то принадлежностями для биологических экскурсий... Так мне об'яснил Федор Михайлович...

— Федор Михайлович об'яснил...—медленно повторил Цой. — Почему же он на тебя вдруг так сильно рассердился? Как будто до сих пор он к тебе хорошо относился? Правда?

— Да... — оживился Павлик. — Он об'яснял мне машины... часто шутил со мною... Только один раз до этого случая он здорово рассердился на меня... Но это просто недоразумение... И это было давно, еще в Саргассовом море...

— Но в чем было дело? — нетерпеливо переспросил Цой. — Что там у вас произошло?

— Да ничего и не происходило. Просто я нашел около двери его каюты клочок какой-то записки... Я поднял этот клочок, а он как налетит на меня... Схватил за руку, начал трясти... и вырвал записку...

— Ну, ну! А в записке что было написано? Что было в записке?

— Не помню, Цой... Какие-то отдельные слова... Ведь это же был обрывок!..

— А все-таки, — настаивал Цой, — ну, хотя бы отдельные слова! Припомни... Голубчик, пожалуйста... постарайся припомнить...

— Там было... — медленно вспоминал Павлик. — Там были какие-то градусы... И еще... Как это называется?.. Это такое слово... Начинается на т... или нет... на к... Трудное такое слово... Мне его потом об'яснил Федор Михайлович. Мы с ним потом помирились, это оказалась совсем не его бумажка. Он извинился и повел меня показывать и об'яснять машины, и я его спросил, что значит это слово...

— Ну, хорошо... Что же он тебе об'яснил?

— Ага! Вспомнил! — радостно воскликнул Павлик. — Это такие цифры... когда устанавливается положение какой-нибудь точки в географии или морском деле...

— Координаты?! — закричал Цой, чуть не подскочив на стуле. — Координаты!

— Да, да! Координаты!.. — Это слово напомнило Павлику обо всем, и он быстро, чуть не захлебываясь, продолжал: — И еще там было написано: двадцать шестое мая... восемнадцать часов... потом Саргассово море и еще, кажется, что-то про гидроплан...

— И больше ничего... — невнятно повторял Цой, глядя в одну точку. — Больше ничего... да двадцать шестое мая...

— Я хорошо помню это число, Цой, — тихо сказал Павлик. — Это день рождения папы. И как раз в этот день я с черепахой запутался в водорослях... потом эта... испанская каравелла... спрут... и кашалот...

Когда он замолчал, Цой медленно повернул голову, лицо его посерело, и скулы выдавались больше, чем обычно.

— Ты больше ничего не помнишь, Павлик? — тихо спросил он чужим, словно охрипшим голосом. — А бомбардировку забыл? Забыл, что как раз двадцать шестого мая кто-то бомбардировал стоянку нашего «Пионера»?

Павлику почему-то сразу сделалось жарко. Потом лицо его начало бледнеть.

— Я... я был тогда болен... — произнес он, наконец. — После кашалота... Мне потом рассказал Марат...

— Так вот... Выходит, что спасибо, Павлик, тебе и кашалоту твоему... За то, что вы увели нас с этого гиблого места, с этих ко-ор-ди-нат... — сказал Цой с безжизненной, деревянной улыбкой. — А что касается Марата, то он мне тоже кое-что рассказал... Помни, Павлик! — жестко сказал Цой, поднимаясь со стула. — Ты должен молчать о нашем разговоре... Никому ни слова... Ты обещаешь?

Павлик молча кивнул головой.

— И еще помни, Павлик! Будь настороже! Наблюдай... осторожно, незаметно. Если увидишь что-нибудь неладное, не подавай виду и сообщи сейчас же мне! Обещаешь?

— Хорошо, Цой... — ответил Павлик.

Когда Цой был у двери, он вдруг услышал позади себя сдавленный вскрик. Цой обернулся. К нему бежал Павлик. Глаза его были полны слез.

— Цой! Цой! — говорил он, задыхаясь и прижимаясь лицом к груди своего друга. — Цой... голубчик... родной мой! Это ужасно! Неужели это может быть?.. Неужели ты думаешь, что...

— Тсс!.. — Цой обнял Павлика за плечи и прижал к себе. — Молчи, мой мальчик... Мне не все еще ясно... Успокойся! Возьми себя в руки! Не выходи сегодня никуда из каюты. Скажи, что голова болит... Ты понимаешь меня?

Павлик молча кивнул головой.

Цой постоял с минуту возле него, что-то обдумывая, потом решительно повел мальчика к столу и сказал:

— Работать я все равно сейчас не смогу... Давай провернем партию в шахматы! Только не блиц! Терпеть не могу блицпартий...

(Продолжение следует)

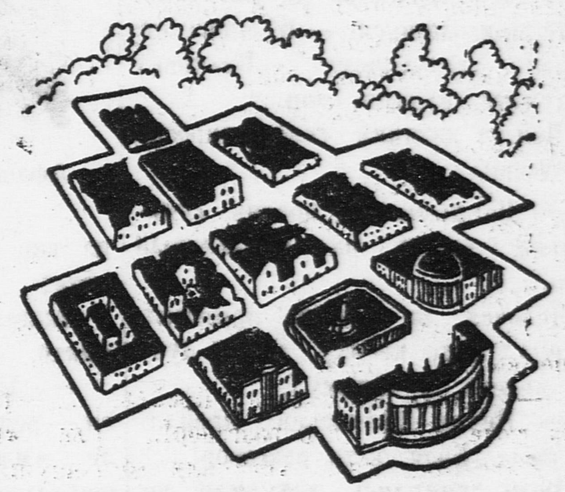
ЛЕСОСПЛАВ

Как только сойдет лед с рек, начинается лесосплав. Сотни тысяч стволов деревьев плывут вниз по рекам, пристаням, городам, лесопильным заводам на деревообделочные фабрики. Здесь вы видите лесосплав на р. Сухоне.

Фото Д. ЛЕИНСОНА (Союзфото)

ЭКСКУРСИЯ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

Четыре велосипедиста решили совершить экскурсию по городу (вид этого города с птичьего полета показан на рисунке). Велосипедисты должны осмотреть все улицы этого города с одним условием: не пропустить ни одной улицы и ни по одной улице не проезжать дважды.



Откуда нужно начать экскурсию, чтобы выполнить это условие?

МЕТАГРАММА

Я возвышенность большая,
Меня ты быстро назовешь.
Но если букву переменишь,
Тогда на дереве найдешь.

Прислал ШУРА МАКСИМОВ
(поселок Внуково, Московская область)

«Мой лучший день»

Пионеры и пионерки из разных городов нашего Союза уже стали присылать письма, в которых описывают самый интересный, самый хороший день своей жизни.

Нина Власова из города Куйбышева спрашивает: «Можно ли описать свой самый лучший день 1936 года?» Конечно, можно!

Ждем, ребята, от вас описаний самых лучших дней вашей жизни, независимо от того, в каком году они были.

Ответственный редактор
А. Я. СТРОЕВ.

Наш адрес: Москва, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24 (5-й этаж), редакция «Пионерской правды».
Телефоны: для справок — Д 3-33-29, секретариат — Д 3-33-25, отдел писем — Д 3-33-78, отдел информации — Д 3-33-79, отделы школы и пионеров — Д 3-33-24.

Уполномоченный Главлита № В—41460. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 756.